

Прежде чем перейти к рассмотрению понятия «вечное возвращение» в междисциплинарном срезе, обусловим особенности той панорамы, с которой откроется вид на рассматриваемое философское явление. «Вечное возвращение» в настоящем исследовании приобретет много-сложный контекст, который выходит за рамки самого себя, в конечном счете, «вечное возвращение» уже не возвращается в свою исходную семантику, так как цель написания настоящей статьи – это не добавить новую грань в осмыслении ницшеанской категории, но качественно трансформировать её конечное созидание, интерпретируя ницшеанскую категорию как универсальную философему при анализе имплицитных смыслов даосизма.

Пронзительное откровение «вечного возвращения» настигло Ницше в августе 1881 года в местечке Зильс-Мария в Швейцарии. В этот момент совпало физическое внешнее и идейно-внутреннее состояния, в которых находился Ницше. 6500 футов над уровнем моря и «6000 футов по ту сторону человека и времени», как писал об этом Ницше. «Вечное возвращение» – это то, как Ницше мыслил способ бытия сущего. «Вечное возвращение» – категория, прежде всего отражающая неспецифичный взгляд европейской культуры на пространство и время. Когда говорят о колесе истории, то многие забывают, что колесо есть образ не только способа движения вперед, но и движение вокруг своей оси, что возвращает к восточной идее «цикличности бытия». Но стоит сразу условиться, что «цикличность бытия» являющаяся собой возвращение к уже сбывшемуся состоянию не замыкается на однозначном понимании концепта «вечного возвращения». «Вечное возвращение» циркулирует в самом себе своё же свойство, оно неустанно возвращается к себе, исходя из таких философских усилий, мы находим простое, но изящное заключение: то, что вернется, – уже возвращено. Перефразировав лаконичный формат данного заключения, мы оттеним философский концепт Ницше «искрометной» идеей фракталов в теории хаоса, а также даосской философской традицией. «Вечное возвращение» оправдывает свою избыточность, но, прежде всего, парадоксальным образом преодолевает свою границу «возвращения» собственным «не-возвращением». «Возвращение» возвращается, но оно другое. Чтобы разобраться в такой похожей друг на друга нововведённой терминологии, осветим следующую грань ницшеанского концепта.

Ницше формулирует и закрепляет идею следующим образом: *«Ибо все, что может произойти и на этом долгом пути вперед – должно произойти еще раз!»* [1]. А также: *«эту жизнь, как ты ее теперь живешь и жил, должен будешь ты прожить еще раз и еще бесчисленное количество раз; и ничего в ней не будет нового, но каждая боль и каждое удовольствие, каждая мысль и каждый вздох и все несказанно малое и великое в твоей жизни должно будет заново вернуться к тебе, и все в том же порядке и в той же последовательности. Вечные песочные часы бытия переворачиваются все*

снова и снова – и ты вместе с ними, песчинка из песка!» [1]. Если что-то возвращается, то значит оно есть «одинаковое». Было, есть, будет – все это «одинаковое», идентичные сегментации бытия, срезанные временем. Однако мы знаем, что всегда есть «различное». Каким образом задаётся граница между «одинаковым» и «различным»? Необходимости ради прибегаем к метафоре, пусть она будет должным трамплином для абстрактного прыжка мысли. Если существует «различное» и «одинаковое», то как выглядит лезвие того ножа, которое их навсегда захватило в отношении дихотомии? Почему «различное» и «одинаковое» не могут прийти к компромиссу? Почему они, однажды прикоснувшись с «волшебным лезвием», больше не перейдут границу самих себя и не станут качественно иными понятиями, которые ещё не в силах сформулировать человеческая мысль? А есть ли уверенность, что это не так? Может это можно сделать? Загадка остаётся в лезвии магического ножа. При такой метафоре мы создаём новые образы, которые помогут нам в наших философских усилиях. Прежде всего, мы уже заметили одного интересного игрока – некое лезвие. «Лезвие», которое номинирует и исключает «несовершенство» этого. Мы не понимаем, что такое «одинаковое» и что такое «различное», пока они не будут схвачены временными и пространственными координатами. Возвращаясь к «вечному возвращению», мы все ещё не видим беспощадного «лезвия» жизни. Что возвращается и зачем? Что-то скользит по «лезвию» и ищет свое место в океане различий. Беспорядочно и бесцельно блуждает мысль и не возвращается к ясному видению. Вглядываясь в бездну идеи «вечного возвращения» Ницше, угадываешь очертания глыбы. Ницше будто выковал из скалы невероятной мощи идею и разбил её на острые черепки метафор, и только через светоч метафор можно угадать, эксплицировать глыбу этого мысленного творения.

«Гуаньиньцзы»: *«Рыба кружит вокруг, плавает, не зная, сколько тысяч вёрст она проплыла, но всё никак не доплывёт до конца. Так в чём же причина? Здесь вода ниоткуда не истекает и никуда не впадает»* [2, с. 215]. Здесь наблюдается отражение универсальной идеи «цикличности» бытия. Несмотря на то, что это даосский трактат, угадывается очевидный буддийский мотив: в буддизме не ставится вопрос о начале всего. Предположения об истоке бытия сопровождаются молчанием. Вода не имеет истока, но она и не имеет конца, или иначе, она уже есть и начало, и конец одновременно, её «возвращение» плавает континуально, связно. Вода «возвращается» каждый раз, она обречена циклично каждый раз заглядывать в собственное отражение и не узнавать его. Рыба плавает и не знает, сколько она проплыла, «возвращаясь», не доплывает до конца, потому что она в каждом из своих движений зияет в моменте «возвращения». Однако, чтобы отчеканить новое понимание идеи «вечного возвращения», мы используем некоторое фактурное содержание из теории хаоса.

Теория хаоса являет собой уникальную методологию для философской интерпретации идеи «возвращения». Основным фокусом этой теории является изучение поведения некоторых нелинейных динамических систем, подверженных при определённых условиях явлению, известному, как хаос, про-

цессу энтропии. Мера необратимого рассеивания энергии является одним из ключевых моментов исследования. Теория хаоса гласит, что сложные системы чрезвычайно зависимы от первоначальных условий, и небольшие изменения в окружающей среде могут привести к непредсказуемым последствиям. Уместно привести известную метафору из теории хаоса про «эффект бабочки». Сможет ли взмах крыла бабочки в Бразилии вызвать ураган в Техасе? Удивительно, но да. Метеоролог Эдвард Лоренц, изучая поведение воздушных масс, не просто открыл случайную особенность в поведении воздушного потока, но увидел закономерную парадоксальную структуру, являющую собой фрактал. Тонкая структура таинственным образом преображалась в уникальный порядок, который всё еще был одет в кружева хаоса, который невозможно разгадать. Но учёным удалось наблюдать след стремительного узора, рождающийся на грани хаоса и порядка, фрактальное отражение одного из самых загадочных явлений физического мира приобретало новое значение. Там, где все, казалось бы, предопределено, неожиданно возникает хаос. Но в этом хаосе, оказывается, спрятан порядок. Неожиданный и неуловимый, рисующий свою логику. Природа творит саму себя, запутывается в хаотичном танце и рождает уникальную красоту – в этом её возвращение. Граничит ли идея «возвращения» с идеей неуловимого хаоса? Если теория хаоса говорит о порядке более высокого уровня, то можно ли допустить подобную мысль в отношении универсальной идеи «вечного возвращения»? Для того, чтобы объяснить наше философское предположение, вовсе не стоит переворачивать логику вверх ногами и называть хаос порядком, и к этому не стремились адепты теории хаоса. Целью теории не является перестановка терминов при описании хаотичных динамических систем, напротив, фокусирование на понятии «другого», «особенного» порядка, который обладает уникальным свойством: творение жизни на грани противоположного, дисгармоничная гармония или необратимое «возвращение» в своем самом изящном фрактальном исполнении. Парадокс заключен в том, что, хотя фрактал и является одним из инструментов теории хаоса, по сути он есть противоположность хаоса. Главное различие между хаосом и фракталом состоит в том, что первый является динамическим явлением, а второй – статическим. Под динамическим свойством хаоса понимается непостоянное и непериодическое изменение траекторий. Фрактал – это геометрическая фигура, определенная часть которой повторяется снова и снова. Отсюда проявляется одно из свойств фрактала – самоподобие [4].

Природа хаоса диктует свой естественный порядок, который калейдоскопичным образом отражает всю необозримую мозаичность возможностей. Его собственное «вечное возвращение» являет собой свою же противоположность, противоположность способа созидания: через становление необратимости утверждать своё же «возвращение различного». Так в чём же загадка «волшебного лезвия», которое создаёт «одинаковое» и «различное»? На грани дихотомичных понятий, эти два фокуса концептуализирует новое осмысление «лезвия» как продукта их взаимного творчества. Взаимное «вечное возвращение» есть способ осмысления становления сложной константы: кон-

станты утверждения различий. В этом смысле уместна трактовка «вечного возвращения» Ж. Делеза. Возвращение, по Делезу, касается только избыточного: *«Негативное не возвращается. Тождественное не возвращается. Одинаковое и Подобное, Аналогичное и Противоположное не возвращаются. Возвращается лишь утверждение, то есть Различное, Несходное»* [3]. И, при этом, «вечное возвращение» – это не гармонизирующая сила, устанавливающая порядок в пространстве Хаоса. «Вечное возвращение» – совпадение мира и хаоса. Делез настаивает на несводимости вечного возвращения к единому, одинаковому. Напротив, «вечное возвращение» всегда выходит из-под власти всякого подобия и необходимости, имея в своей основе множество и случайность. Единое – это всего лишь способ представления вечного возвращения. «Вечное возвращение» неуловимо: все возвращается, потому что ничто не равно, все плавает в собственном различии, несходстве и неравенстве, даже с самим собой [3].

Интерпретировав парадоксальную, во многом полярную специфику, философии «вечное возвращение», а также приняв во внимание методологию и категориальный аппарат теории хаоса совершенно новое суггестивное звучание приобретает древняя даосская мудрость.

«Гуаньиньцзы»: *«Круговращение без конца – это время, содержащее всё, и имеющее место – пространство. Только Земля начинает и завершает это. Она – разъясняющее это, она – обнаруживающее это»* [2, с. 210]. Туманные ассоциации подобных изречений всегда остаются на уровне иррационального опыта. Индивидуальное вчувствование способно уловить тени даосского настроения, но вряд ли кому-либо удастся логически вербализовать своё впечатление от таких идей, а попытки совершить какие-либо философские интерпретации неизбежно будут приводить к весьма туманным заключениям и заблуждениям. На наш взгляд, экспликация основного лейтмотива настоящей даосской мысли может быть синхронизирована с каркасом вышеописанных идей, с положениями теории хаоса, а также с уникальной философской рефлексией «вечного возвращения». «Возвращение» обнаруживается в подчеркнутой идее «цикличности», то есть круговращения без конца, динамическое начало хаоса и его фрактальное отражение угадывается как то, что нечто *«разъясняет»* через многообразие *«десяти тысяч вещей»* и это же является и *«обнаружением»* истины. Что же можно увидеть за таким утверждением? Особую логику жизни, которая вполне может описана «возвращением» к себе через упорядоченное хаотическое творение.

«Гуаньиньцзы»: *«Вначале идея, исходящая из пневмы единого начала, соберется в полной мере в единой вещи, удержит любовь и так придет в гармонию с оформленностью другого. Внутренний мрак созерцает её и так придёт в гармонию с принципом другого, тогда и будет существовать образ. Образ единого круговращения окружает Великую Пустоту»* [2, с. 219]. Внутренний мрак, как прототип «внутреннего хаоса», созерцает идею гармонии, идею порядка, такое созерцание и даёт рождения образам. Образ единого круговращения фрактален, самоподобен каждому моменту своего творения, и механика «вечного возвращения», как сингулярный узел момента становления, являет собой синтез двух начал: хаоса и его порядка.

«Гуаньиньцзы»: *«Есть временная пневма. Если бы это была не пневма, то никогда бы не было дней и ночей. Есть пространственное оформление. Если бы это было не оформление, то никогда бы не было юга и севера. Что называют не-пневмой? То, что самопорождает пневму, подобно взмахам веера для получения ветерка. Если некто не будет махать веером, то не будет и пневмы ветра. Если некто будет махать веером, то это и будет называться пневмой...»* [2, с. 219]. Взмахи веера очень созвучны с «эффектом бабочки», когда незначительные изменения активизируют хаос, однако, как замечают даосы, «махать веером» имеет свой позитивный посыл, ведь последствия этой творящей силы (хаоса) и есть созидание жизни, её «пневма». *«Они роятся, как пылинки». Не говори: «Они хаотичны, как водная муть». Они как бы существуют. Они плавают и кружатся вновь и вновь, помни, что они такие. Это нельзя предать забвению, нельзя разогнать. Тот, кто умело уходит от сознания, превращает сознание в мудрость. Превратившие сознание в мудрость разъясняют: «Знай это таким образом»* [2, с. 238]. В очередной раз утверждается созидаящая сила хаоса, и это нельзя придать забвению. «Вечное возвращение» вырабатывается в глубине, в бездонности, где первозданная Природа пребывает в хаосе над царствами и законами, образующими лишь вторую природу.

Таким образом, «вечное возвращение», сопряженное с фрактальной моделью теории хаоса есть актуализация особой силы, своего рода примирение дихотомичных свойств в уникальный созидающий ансамбль. «Вечное возвращение» есть философема, предвосхищающая свой детерминированный хаос как ежесекундное становление из мириады хаотических вихрей в порядок особой сложности. Этот метапроцесс двоичен, подобно янскому началу – он разворачивается в неуловимый, непредсказуемый полёт, а затем, по законам иньской природы – сворачивается в исключительный узор. Это есть результат динамического единства, след игры хаоса, правила которой неизвестны, нам лишь удаётся угадывать некоторые грани этого завораживающего явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ницше, Ф. «Так говорил Заратустра» / Ф. Ницше [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=252439&p=1>. – Дата доступа: 15.11.2018.
2. Торчинов, Е. А. Путь золота и киновари : даосские практики в исследованиях и переводах / Е. А. Торчинов. – СПб. : Азбука, 1999. – 472 с.
3. Делёз, Ж. Ницше / Ж. Делёз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nitshe.ru/Gilles-Deleuze-nicshe-text-9.html>. – Дата доступа: 12.11.2018.
4. Мандельброт, Б. Фрактальная геометрия природы / Б. Мандельброт ; пер. с англ. : Институт компьютерных исследований. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 666 с.
5. Дао Дэ Цзин. Книга пути и благодати / пер. Ян Хин-шуна. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 400 с.
6. Глейк, Д. Хаос. Создание новой науки / Д. Глейк. – СПб. : Амфора, 2001. – 398 с.